

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Compendium grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C. H. Beck München, 2002. 219 S. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Hft. 121.)

Рецензируемая книга представляет собой издание важнейшего памятника в истории русской грамматической традиции – первого опыта академической грамматики русского языка, предшествовавшего "Anfangs-Grunde der Russischen Sprache" – краткому описанию русского языка, изданному в 1731 г. в приложении к Вейсманнову лексикону [Anfangs-Grunde 1731]. Этот памятник был обнаружен в архиве Академии наук профессором Гельмутом Кайпертом, который теперь и издал его, проделав огромную работу чтения и комментирования открытой им рукописи. Издание текста предваряет обширная монография, в которой не только раскрывается значение публикуемой грамматики в истории академической русистики, но и дается наиболее полное и документированное описание начального этапа изучения и кодификации русского языка в основанной Петром Великим Академии наук. Следует иметь в виду, что с конца 1720-х годов именно в Академии наук сосредоточивается вся работа по формированию нового русского языкового стандарта и созданию пособий для его преподавания и именно эта традиция находит свое наиболее полное осуществление в "Российской грамматике" М. В. Ломоносова, которая оказывается в этой перспективе не творением ex nihilo, а преобразованием сложившейся академической традиции.

В предваряющей публикацию монографии издаваемый памятник получает полное и систематическое описание. В начале (§ 1, с. 9–11) дается описание обнаруженной рукописи, числящейся под шифром F 250 в Отделе ру-

кописей Библиотеки РАН. Рукопись представляет собой фрагмент грамматики, озаглавленной "III Compendium Grammaticae Russicae oder Kurtze Einleitung zu der Russischen Sprache Denen Ausländern zum Besten ausgegeben". Грамматика, которая должна была содержать четыре традиционные части (орфография, этимология, синтаксис, просодия), как и обозначено на л. 1 рукописи, обрывается на с. 64 второй части, после этой страницы должно было следовать описание словоизменения прилагательных. В дошедшем до нас виде рукопись, таким образом, содержит две части (с отдельной пагинацией): полное описание орфографии (фонетики – с. 1–50 рукописи, с. 137–168 издания) и не полное описание этимологии (морфологии – с. 1–64 рукописи, с. 169–200 издания), включающее разделы "Об этимологии вообще", "Об имени, местоимении и причастии", "Об имени" и "О склонениях".

Во втором параграфе монографии (с. 11–14) Г. Кайперт пишет о датировке и локализации рукописи. Анализ ряда приводимых в грамматике лингвистических примеров однозначно указывает, что рукопись была написана в 1731 г., а несомненная зависимость от "Компендиума" краткого грамматического очерка, напечатанного в приложении к Вейсманнову лексикону, свидетельствует о том, что "Компендиум" был завершен как самое позднее в первой половине 1731 г. Можно полагать, что "Anfangs-Grunde" возникает как сокращенный и переработанный вариант "Компендиума", а что содержащиеся в предисловии к Вейсманнову лек-

сикону слова о том, что в приложении к нему дается "kleine Anleitung zur Erlernung der Rußischen Sprache", которым "Читатель дотоле пользоваться может, донележе совершеннейшее, которое уже подлинно делается, издано будет", указывают именно на "Компендиум" как на основу готовящейся более пространной грамматики русского языка¹.

Рукопись "Компендиума", обнаруженная Кайпертом, представляет собой рабочий экземпляр готовившейся в Академии наук грамматики. Она написана разными почерками и содержит различные замечания, поправки и указания, написанные почерками, отличными от почерков основного текста. Третий параграф монографии (с. 14–22) посвящен определению принадлежности всех этих почерков и установлению роли участников академического проекта. Не все почерки поддаются однозначной идентификации, однако полученные в результате идентификации почерков данные позволяют понять, как реализовался проект. Во-первых, устанавливается основной автор грамматики, которому принадлежит почерк второй части. Это Мартин Шванвиц (? –1740), преподаватель Академической гимназии, один из академических переводчиков и автор изданной в Петербурге в 1730 г. "Немецкой грамматики" ("Немецкая грамматика из разных авторов собрана и российской юности в пользу изда-

на от учителя немецкого языка при Санктпетербургской гимназии").

Составление русской грамматики не было, однако, единоличным предприятием Шванвица, он действовал, видимо, по указанию и под контролем академического начальства. Почерк ряда начальствующих указаний отождествляется как принадлежащий Филиппу Гмелину, секретарю тогдашнего президента Академии Лаврентия Блюментроста, которому, по справедливому заключению Кайперта, и принадлежат распоряжения, записанные его секретарем. Несколько глосс записаны В.Е. Адодуровым; он выступает как "russischsprachige Konsultant"; немногочисленность его помет наводит Кайперта на мысль, что он с самого начала принимал в грамматическом проекте активное участие, так что сделанные им поправки отражают лишь результаты последнего просмотра. Существенную роль в разработке грамматического проекта сыграл "красный глоссатор" (замечания которого написаны красными чернилами). По своему содержанию и общей концепции они ближайшим образом напоминают лингвистические труды И.В. Пауса, в 1729 г. представившего в Академию свою "славяно-русскую" грамматику ("Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache"). Почерк "красного глоссатора" решительно отличается, однако, от хорошо известного почерка Пауса, и Кайперт высказывает предположение, что он принадлежит И.Д. Шумахеру, использовавшему для своих замечаний грамматику Пауса. Таким образом, анализ почерков подводит к выводу, что над "Компендиумом" работала целая группа сотрудников Академии под наблюдением академического начальства.

В следующем параграфе монографии (§ 4, с. 22–30) даются сведения о выявленных участниках академического проекта (Блюментросте, Шванвице, Адодурове, Шумахере), анализируется их деятельность и другие их филологические занятия. Здесь же говорится и о тех потенциальных участниках проекта (прежде всего академических переводчиках), которых пока что не удалось идентифицировать.

Пятый параграф монографии (с. 30–41) посвящен источникам "Компендиума". В качестве основных источников Кайперт выделяет два уже упоминавшиеся выше сочинения: "Немецкую грамматику" Шванвица 1730 г. и "Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache" Пауса. Поскольку Шванвиц был (основным) автором "Компендиума", он естественным образом пользовался своим предшествующим трудом, заимствуя из него

¹ Мне представляется не вполне содержательным спор о том, относятся ли слова о "совершеннейшей" более пространной грамматике к "Компендиуму", как полагает Кайперт, или к той грамматике, которую, согласно гипотезе Б.А. Успенского [Успенский 1975; 1997, III: 530–531], в 1738–1740 гг. создает В.А. Адодуров. Ясно, что в 1731 г. не могла идти речь о тексте, который появился почти десятилетие спустя; и не менее очевидно, что "Компендиум", в том виде, как он дошел до нас, не есть эта "совершеннейшая" грамматика в законченном виде, но лишь ее начальный вариант, который позволил автору предисловия говорить о том, что полная грамматика "уже подлинно делается" и обещать ее публикацию. До какой степени грамматика 1738–1740 гг. была запоздалым исполнением этого обещания, можно дискутировать, равно как и вопрос о том, как обстояло дело с ее авторством. В любом случае, однако, имелся в виду коллективный академический проект, начало которому было положено "Компендиумом".

и схему расположения материала, и определения используемых грамматических категорий, и – не в последнюю очередь – формы языка-объекта (русского), зафиксированные в русской (переводной) части "Немецкой грамматики". На систематику описания оказала также влияние использовавшаяся в академическом преподавании латинская грамматика, так называемая "Grammatica Marchica", и именно из нее, по предположению Кайперта, был усвоен принцип двойного – полного и сокращенного – изложения материала: "Компендиум", по требованию Блюментроста, подлежал сокращению (именно в результате его сокращения и переработки появлялись "Anfangs-Gründe" в приложениях к Вейсманнову лексикону), а в доработанном виде он же должен был составить обещанную в предисловии к Вейсманнову лексикону пространную грамматику.

Русский языковой материал, кодифицируемый в "Компендиуме", берется в основном в готовом виде, и источником для него служит "славяно-русская" грамматика Пауса, представленная им в Академию наук в 1729 г. и несомненно находившаяся в распоряжении участников академического проекта (от белой рукописи грамматики Пауса до нас дошел лишь небольшой фрагмент, однако черновая рукопись сохранилась полностью, и именно ею в основном пользуется Кайперт для сопоставлений с "Компендиумом"). Хотя языковая концепция "Компендиума" отличается от концепции Пауса (возможно, не в меньшей степени, чем концепция "Anfangs-Gründe", которую можно считать полемически противопоставленной идеям Пауса – см. [Живов, Кайперт 1996]), однако заимствованию примеров и заимствованию их интерпретации это не мешает, так что, как отмечает Кайперт, по современным стандартам использование грамматики Пауса в "Компендиуме" могло бы расцениваться как плагиат.

В монографии обсуждаются и другие источники, нашедшие окказиональное отражение в "Компендиуме". Сюда относятся грамматика Лудольфа, из которой взято несколько примеров. Столь же эпизодично и прямое использование церковнославянских грамматик; в основном схемы и примеры "Компендиума", находящие соответствие у Смотрицкого или Максимова, попадают в него не непосредственно из этих источников, но за немногими исключениями через посредство грамматики Пауса. Лексический материал "Компендиума" указывает на то, что при его составлении использовались "Санктпетер-

бургские ведомости", издававшаяся при Академии наук газета, переводные статьи которой готовились академическими переводчиками.

Следующий параграф монографии (§ 6, с. 41–75) представляет собой детальный комментарий к первому разделу "Компендиума", посвященному орфографии. Сам по себе этот раздел состоит из определения орфографии, взятого из "Немецкой грамматики", русского алфавита с указанием фонетического значения букв через их немецкие, польские и французские соответствия, описания в алфавитном порядке десяти гласных, затем "дифтонгов" (с замечанием о "трифтонгах"), описания в алфавитном порядке согласных, особой заметки о буквах *ъ* и *ь*, перечисления сочетаний согласных и двойных согласных и, в завершении, в соответствии со структурой "Немецкой грамматики", четырех замечаний ("Anmerkungen"): об орфографии вообще (о близких по звучанию буквах и способах, как избежать их смешения, о правописании заимствований, о прописных буквах, о числовом значении букв и т. д.), об орфографии в частности (по существу о минимальных или почти минимальных парах, т.е. формах, различающихся лишь близкими по звучанию буквами и/или ударением), о знаках препинания ("distinctionibus") и о сокращениях ("von den Abbreviaturen").

Издатель "Компендиума", следуя пункту за своим источником, сообщает в каждом случае, как трактовка Шванвица соотносится с грамматикой Пауса и другими использованными сочинениями; указываются заимствованные примеры и определения и отмечаются отдельные расхождения с прежними трактовками, которые в ряде случаев удается связать с особенностями лингвистических установок Шванвица. Например, говоря о буквах *ф* и *ѳ*, Шванвиц заимствует ряд примеров у Пауса (*философ* и *фундамент*), однако отказывается от указания на то, что *ф* употребляется в греч. словах в соответствии с *ph*, а в латинизмах в соответствии с *f*; греческие соответствия требуются, согласно формулируемому Шванвицем правилу, только для букв *ѳ*, при этом Шванвиц игнорирует попытки Пауса приписать *ф*те особое произношение, практикуемое среди "meisten Gelehrten", и рассматривает употребление данной буквы как вопрос чисто орфографический. Здесь, надо думать, сказывается отрицательное отношение Шванвица к церковнославянской филологической традиции, учитываемой Паусом, и именно этим скорее всего объясняется, что в качестве примера на *ф*иту приводится – в про-

творении с сформулированным им же правилом – слово явно негреческого происхождения *каѡтанъ*. Кайперт справедливо видит здесь скрытую полемику с Паусом, критиковавшим написания "ѡѡтъ an statt фѡтъ", и это позволяет связать данное расхождение с более поздней полемикой об употреблении фиты².

Следует отметить вообще, что автор последовательно указывает (в примечаниях к основному тексту монографии), как в каждом из разбираемых пунктов обстояло дело с последующей грамматической разработкой комментируемых явлений: в "Anfangs-Gründe" 1731 г., в грамматике 1738–1740 гг. (в орфографическом трактате Адодурова, обнаруженном и опубликованном Б.А. Успенским) и, наконец, в грамматике Гренинга 1750 г. Эти заметки дают возможность увидеть, какое место занимает "Компендиум" в русской грамматической традиции. В частности, в орфографическом разделе очевидна ближайшая зависимость от "Компендиума" "Anfangs-Gründe": это почти тот же самый текст лишь с рядом довольно значительных сокращений и заменой отдельных примеров. Замечателен вместе с тем тот факт, что ряд пунктов "Компендиума", опущенных в "Anfangs-Gründe", вновь появляется затем в грамматике 1738–1740 гг. и в грамматике Гренинга (например, параграфы, тракту-

ющие двойные согласные или чередование согласных). Это показывает, что в рамках академического проекта "Компендиум" остался "в работе" и после выхода "Anfangs-Gründe" и в силу этого представляет собой важнейшее звено в развитии академической грамматической традиции.

Это значение "Компендиума" уясняется с еще большей ясностью при обращении ко второй морфологической части данного сочинения, комментарий к которой содержится в седьмом параграфе рецензируемой монографии (с. 75–118). В морфологической части особенно заметен коллективный характер работы над "Компендиумом", поскольку здесь замечания "красного глоссатора" появляются не как окказиональные поправки, а как поиски более адекватной трактовки русского грамматического материала. В ходе работы над "Компендиумом" возникают грамматические решения, оказавшие существенное влияние на всю последующую русскую грамматическую традицию. Г. Кайперт тщательнейшим образом прослеживает этот процесс складывания кодификационных принципов, рассматривая источники грамматических схем и примеров, возникающие при этом противоречия и поиски их преодоления. В ряде случаев мы получаем в результате совершенно новую картину движения грамматической мысли.

Что касается источников морфологической части, они остаются теми же, что и для части орфографической. Основные определения берутся из "Немецкой грамматики" 1730 г., и из переводной части этой же грамматики идут отдельные схемы описания и примеры, однако не меньшее значение имеет и "Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache" Пауса, причем не только в силу того, что эту грамматику без всякого стеснения использует Шванвиц, но и благодаря тому, что она служит основным руководством для "красного глоссатора". Эти источники нередко вступают в конфликт друг с другом, раскрывая вследствие этого неоднозначность существующих трактовок и становясь стимулом для поисков адекватных описательных приемов. Такое диалогическое взаимодействие источников можно видеть, например, в трактовке рода (с. 79–84), в которой совмещаются формальные (по окончаниям) и семантические критерии определения рода и выделяется разный набор родов, причем эклектичная систематика Шванвица вызывает критику "красного глоссатора". Именно как результат этих споров может рассматриваться выделение трех родов в грамматике Гренинга (о трактовке ро-

² Единичные обращения к церковнославянской грамматической традиции можно проиллюстрировать упоминанием буквы Г ("гамма"), которая, согласно "Компендиуму", должна употребляться в иностранных словах в соответствии с /g/ (поскольку для г, "глаголя", нормативным остается фрикативное произношение). Паус об этом различии ничего не говорит, и, следовательно, Шванвиц основывается в данном пункте непосредственно на церковнославянских грамматиках.

Принимая тезис Кайперта, согласно которому обращение к церковнославянской грамматической традиции было в "Компендиуме" преимущественно опосредованным, следует все же иметь в виду, что в морфологической части составитель "Компендиума" отказывается от предложенного Паусом распределения имен по склонениям (при котором в отдельное склонение, как и у Ломоносова, выделялись существительные ср. рода на -мя) и возвращается к систематике Смотрицкого (см. об этом с. 93 рецензируемой монографии), может быть, впрочем, не без посредства Лудольфа.

да в русской грамматической традиции см. особо [Keipert 1992]³).

Плодотворность тех споров, которые велись при разработке "Компендиума", хорошо видна, например, в решении вопроса о степенях сравнения (разбор этих споров см. на с. 89–92). Шванвиц стремится описать степени сравнения по той модели, которая известна ему из других европейских языков (немецкого, латыни или греческого). Эта модель предполагает существование изменяемой по родам и числам формы сравнительной степени, и в качестве таковой Шванвиц кодифицирует форму на *-ѣишій / -аишій* (допуская вместе с тем краткие предикативные формы типа *чище*). Такое построение степеней сравнения присутствует уже в "Немецкой грамматике" 1730 г., в которой в соответствии с нем. *schöner / schönerer / schönster* дается *изряднии / изряднѣишій / всѣхъ преизряднѣишій*. Шванвиц следует здесь за Паусом, который в свой черед воспроизводит Смотрицкого, хотя в качестве компаратива Шванвиц дает форму, которую Паус и Смотрицкий рассматривают обычно как превосходную степень; форма компаратива типа *славнишій, близишій*, кодифицируемая Паусом, отвергается Шванвицем, видимо, как специфически книжная (церковнославянская). "Красный глоссатор" возражает против такого решения. Он полагает, что русские прилагательные, в отличие от церковнославянских, "haben gar keinen Comparativum, wohl aber 3 und mehr unterschiedene Superlativos. Anstatt des Comparativi bedienen sich die Rußen des *adverbij in gradu*

comparativo positi, als онъ ѣмѣе, глѣбѣе меня" (с. 178 монографии). Именно это решение проводится в "Anfangs-Gründe", и Кайперт несомненно прав, видя здесь реализацию концепции "красного глоссатора". Эта же концепция развивается затем в грамматике Гренинга и из сложившейся таким образом академической традиции переходит позднее в "Российскую грамматику" М.В. Ломоносова, причем о преемственности в данном случае свидетельствует не только указание на отсутствие в русском склоняемого компаратива, но и кодификация трех различающихся форм превосходной степени. Таким образом, именно от "красного глоссатора" и, тем самым, из отразившихся в рукописи "Компендиума" дискуссий идет установившаяся в русистике схема описания данного морфологического явления⁴.

Подробнейший анализ кодификационных решений составителя "Компендиума", который Г. Кайперт дает в § 7 рецензируемой монографии, позволяет увидеть, какими принципами руководствовались академические филологи при формировании русского языкового стандарта (об этих принципах говорится в заключительном § 8 монографии, с. 119–122). Почти плагиаторская зависимость "Компендиума" от "славяно-русской" грамматики Пауса не означает, как показано в исследовании Кайперта, что составитель "Компендиума" рабски следует за своим предшественником. Из различных фиксируемых Паусом форм составитель делает определенный выбор, и за этим выбором просматривается сознательная лингвистическая установка. Отвлекаясь от частности, можно считать, что эта установка состоит в том, что из кодифицируемого языкового стандарта должны быть устранены специфически книжные ("церковнославянские") элементы, так что сама эта установка может быть определена как "zielstrebig-bewußter Russifizierung" (с. 119). Существенную роль в реали-

³ Отмечу еще интересное наблюдение Кайперта об окончаниях прилагательных во мн. числе, которые в русской филологии XVIII в. были, как известно, предметом ожесточенных споров. В "Компендиуме" различия прилагательных по роду фиксируются в ед. числе (*добрыи, добрая, доброе*), тогда как для мн. числа дается единая форма *добрые*. В "Компендиуме" такая кодификация оказывается механическим результатом переработки материала "Немецкой грамматики", в которой приведенные формы даются в качестве эквивалента нем. *guter, gute, gutes* vs. *gute*. Неслучайно, видимо, это кодификационное решение (отличающееся от того, которое предлагает Паус) совпадает с тем узусом, который был принят академическими переводчиками в "Примечаниях к ведомостям", а отказ от него в "Anfangs-Gründe" 1731 г. указывает на сложное взаимодействие разных типов языковой практики и кодификационных решений (см. [Живов 2002: 15]).

⁴ До обнаружения "Компендиума" Б.А. Успенский предполагал, что в трактовке степеней сравнения "Anfangs-Gründe" следует за "Технологией" Федора Поликарпова [Успенский 1985: 106, примеч. 66]. Эта гипотеза, предполагающая не кажущееся вероятным знакомство академических филологов с неопубликованными грамматическими трудами Поликарпова, оказывается теперь ненужной, и картина развития академической лингвистической традиции приобретает более естественные очертания.

зации этой установки играет все та же грамматика Пауса, поскольку Паус помечает многие кодифицируемые им элементы в качестве славянских и нередко такие пометы оказываются принадлежащей ему инновацией (см. [Живов, Кайперт 1996]). Однако если Паус такие элементы сохраняет, то составитель "Компендиума" (Шванвиц) их выбрасывает, и этот нормоустанавливающий выбор, наряду с динамикой языковой практики, составляет один из важнейших аспектов конструирования языкового стандарта.

Об этом процессе можно судить, в частности, по истории нормализации окончаний существительных в косвенных падежах мн. числа. У Пауса и в формах *o*-склонения, и в формах *i*-склонения обнаруживается разноречие, хотя при этом он – первым среди авторов русских грамматик – определяет *-омъ* у существительных муж. рода как славянизм, а в местн. мн. фиксирует окончания *-ехъ* и *-ѣхъ*, указывая вместе с тем, что русские по большей части говорят *-ахъ*. У Шванвица отдельные колебания сохраняются, однако для основного класса существительных твердой разновидности *o*-склонения он делает однозначный выбор в пользу флексий *-амъ*, *-амѣ*, *-ахъ*. Старые флексии сохраняются в качестве вариантов в отдельных формах лишь у существительных *i*-склонения и *jo*-склонения. Такой выбор (судя по "Примечаниям к ведомостям") в целом соответствует языковой практике академических изданий 1729–1731 гг. и, можно думать, отражает эту практику; вместе с тем он стимулирует дальнейшую нормализацию. Так, в "Anfangs-Gründe" 1731 г. наблюдается дальнейшее устранение старых флексий, которые последовательно (за исключением парадигмы *люди*) изгоняются из дат. мн. и местн. мн. *i*-склонения и *jo*-склонения. Этот нормализационный выбор сказывается, в свою очередь, на академической языковой практике, так что в "Примечаниях к ведомостям" 1734 г. старые флексии встречаются только в тв. мн. существительных *i*-склонения (см. [Живов, в печати]). "Компендиум", таким образом, выступает как важное звено в формировании русского языкового стандарта. Он отражает тот судьбоносный момент, когда конструируется новая языковая установка, и поэтому без него картина становления норм русского литературного языка оставалась бы неполной.

Сказав о важности изданного Г. Кайпертом памятника, нельзя не остановиться на исключительно высоком качестве издания и сопровождающего его исследования. Издатель воспроизводит все встречающиеся в памятнике глоссы и исправления, так что чита-

тель получает возможность наглядно представить себе, как осуществлялась работа над академическим грамматическим проектом. В исследовании дается полная картина того, как и на основании каких источников реализовался этот проект. И вместе с тем автор показывает, какова была дальнейшая судьба тех грамматических решений, которые были приняты при работе над "Компендиумом", какую роль сыграли они в истории русской грамматической мысли. Остается лишь поблагодарить автора за это превосходное издание и выразить надежду, что не менее важная для истории русской филологии "славяно-русская" грамматика Пауса также станет предметом издательских забот Г. Кайперта⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Живов 2002 – В.М. Живов. Литературный язык и язык литературы в России XVIII века // Russian Literature, LII (2002). Special Issue, 18th Century Russian Literature.
- Живов, в печати – В.М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII века (в печати).
- Живов, Кайперт 1996 – В. Живов, Г. Кайперт. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // ВЯ. 1996. № 6.
- Успенский 1975 – Б.А. Успенский. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.
- Успенский 1985 – Б.А. Успенский. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

⁵ Отмечу еще высокое полиграфическое качество издания и тщательность подготовки текста, почти полностью свободного от опечаток. Упомяну в этой связи и приложенные к изданию снимки отдельных листов рукописи и ряда академических документов, позволяющие идентифицировать почерки (с. 205–219). Из случайных оплошностей укажу лишь, что в библиографии отсутствует работа "Алексеева 2001" (статья о Паусе в энциклопедии "Три века Санкт-Петербурга"), ссылку на которую находим в примеч. 27 на с. 36 монографии. Ср. еще опечатки: AG 1730 вместо AG 1731 на с. 80, примеч.107; Suchomlinov 21886 вместо Suchomlinov 2.1886 на с. 117.

Успенский 1997 – Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997.

Anfangs-Gründe 1731 – Anfangs-Gründe der Russischen Sprache // Deutsch-Lateinisch- und Russischen Lexicon... СПб., 1731 (Цит. по кн.: Unbegaun 1969).

Keipert 1992 – Н. Keipert. Русская грамматика М. Шванвитца 1731 г. (Предварительные замечания о рукописи БАН F. N. 250) // Доломоновский период русского литератур-

ного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language (Материалы конференции на Фагеруде, 20–25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992. [Slavica Suecana. V. 1].

Unbegaun (Hrsg.) 1969 – Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B.O.Unbegaun. München, 1969 (Slavische Propyläen. Bd. 55).

В.М. Живов